

Отец Андрей Колесников

ВАНЯ С САМОГО НАЧАЛА ЗНАЛ, ЧТО ЕСЛИ СКАЗАЛИ, ЧТО ПОЗВОНЯТ, ТО, ЗНАЧИТ, ПОЗВОНЯТ, И НИСКОЛЬКО НЕ УДИВИЛСЯ, КОГДА ПОЗВОНИЛИ, А Я-ТО СИЛЬНО УДИВИЛСЯ

Я ЖЕСТОКО ошибался, когда пару номеров назад рассказал, как девятилетний Ваня сходил на кинопробы для журнала «Ералаш», добросовестно сделал все, что ему сказали, получил ответ «вам позвонят» и вернулся домой. Я тогда понял, конечно, что фраза «вам позвонят» может означать только одно: «спасибо, вы свободны». Ваня оказался дальновиднее: он с самого начала знал, что если сказали, что позвонят, то, значит, позвонят. И он нисколько не удивился, когда позвонили. А я-то сильно удивился. На съемках он, конечно, не вникал в хитросплетения сюжета и просто делал то, что говорят. То есть Ваня — мечта режиссера. Не импровизировал, не портил картину своим видением, а просто делал свое дело. И поэтому он не смог точно объяснить, в чем замысел кинокартины. Но пересказал, что было. Их, третьеклассников, собрали в классе. Заглавную роль играл профессионал, работавший до этого не на одном фильме. Учительница рассказывала про творчество и жизнь Михаила Юрьевича Лермонтова. Герой фильма сидел на первой парте и внимательно слушал. — А мы, пап, — рассказывал Ваня, — ничего не слушали и все время нарушали поведение. Переглядывались там, бросались чем попало. Я думал, тут не надо было делать и пары дублей: третьеклассники занимались на уроке любимыми делами. Но оказалось, что дубли потребовались. — А что, — спросил я, — требовалась, что ли, какая-то особая точность, чтобы попасть бумажным шариком в девочку за соседней партой? — Да я вообще этим не занимаюсь, — обиделся Ваня. — Я на уроке вообще ни на кого не обращаю внимания. Ты что, не знаешь?

И правда. Это я его с собой, видимо, перепутал. А учительница его рассказывала и в самом деле, что Ваня на уроках демонстрирует какую-то особую сосредоточенность. То есть я так и думал, что это Ване следовало дать все-таки заглавную роль. Но, видимо, не все сразу. Мальчик, который ее получил, по замыслу режиссера слушал учительницу так внимательно, что в какой-то момент, конечно, заснул. Она не сразу это заметила, потому что сама увлеклась жизнью великого поэта и даже уже подошла к его смерти. Рассказав про трагические обстоятельства, она наконец-то увидела, что ученик на первой парте спит как убитый. Она разбудила его вопросом, который прозвучал как выстрел: — Ну, и кто лишил нас Михаила Юрьевича Лермонтова, великого русского поэта?! Мальчик виновато посмотрел на нее и признался: — Я... Конец фильма. — Нам сказали, — объяснил Ваня, — что после этого надо громко смеяться. Очень громко и заразительно. — Ну, ты хорошо смеялся? — спросил я. Ведь я же знаю, как он может смеяться. — Я старался, — сказал Ваня. — Но только мы не поняли, почему нам надо смеяться. Ничего смешного там не было. — Так в этом и состоит великое актерское искусство: смеяться, когда хочется плакать, — объяснил я. — Я так и понял, — кивнул Ваня. — Я смеялся. Видимо, у них получилось, потому что и тут не потребовалось много дублей. В конце концов, я знаю, что Ваня и сам может себя рассмешить, если больше никому. Правда, у него всегда под рукой для таких случаев сестра.

— Тебе заплатили? — с тревогой спросил я. — Да, — подтвердил он. — Четыреста рублей. — Ну, ты понимаешь, что это твой первый заработок? — торжественно сказал я. — Понимаю, — сказал Ваня. — Правда, ты давно обещаешь, что я буду писать в какой-то детский журнал, который ты сделаешь, и буду получать гонорар. — Журнал сделать — не фильм снять, — оборвал я его. А сам задумался. Наверняка же должна быть какая-то логика в этом фильме. Ведь должно же быть смешно хоть немножко, если это «Ералаш». И мне кажется, я понял. Наверное, они снимали не весь фильм, а только его часть. Что бы я на месте сценариста придумал в этой, в общем-то, безвыходной ситуации? Мальчик засыпает под рассказ учительницы и снится ему, будто это он выходит на дуэль с Лермонтовым. Стреляет, и, конечно, без промаха. А потом его будят и спрашивают, кто убил поэта. И он, разумеется, делает явку с повинной: «Я». Мне кажется, примерно таким должно быть недостающее звено. Тогда все сложится. Но это уже натурные съемки, поэтому логично, что их в классе не было. Через пару дней я спросил у Вани, все ли деньги целы. — Нет, сказал он, — осталось 310 рублей. — А где еще 90? — Маме цветы купил, — вздохнул он. — По какому поводу? — искренне удивился я. — Так, без повода, — пожал он плечами. И что-то как-то стыдно мне стало за свой вопрос. — Совсем немного меня опередил, — пробормотал я. — Ничего, — сказал Ваня, — с зарплаты тоже подаришь.